

Edited by

Jennifer Rudolph

Michael Szonyi

THE CHINA QUESTIONS

Critical insights
into a rising power

К 60-летию
Центра китаистики Фэрбэнка
при Гарвардском университете

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Майкл Суньи	
I. ПОЛИТИКА	
1. Легитимен ли коммунистический режим Китая?	19
Элизабет Дж. Перри	
2. Может ли борьба с коррупцией спасти партию?	26
Джозеф Фьюсмит	
3. Мао все еще что-то значит?	33
Родерик Макфаркухар	33
4. Что является причиной межэтнической напряженности в Китае?	40
Марк Эллиотт	40
5. Что нужно знать об общественном мнении в Китае?	49
Я-Вэнь Лэй	
6. Что значит долголетие для руководства Китая?	56
Арунабх Гхош	
7. Может ли Коммунистическая партия Китая чему-то научиться у китайских императоров?	62
Юйхуа Ван	
II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
8. Станет ли Китай лидером Азии?	71
Одд Арне Вестад	
9. Насколько сильны вооруженные силы Китая?	76
Эндрю С. Эриксон	
10. Что означает подъем Китая для США?	84
Роберт С. Росс	
11. Подрывает ли внешнеполитические интересы Китая его исключительность?	93
Аластер Иэн Джонстон	

12.	Когда Тайвань объединится с материковым Китаем и объединится ли?	102
	Стивен М. Голдстейн	
13.	Могут ли когда-нибудь поладить Китай и Япония?	112
	Эзра Ф. Фогель	
III.	ЭКОНОМИКА	119
14.	Могут ли сохраниться высокие темпы роста Китая?	121
	Ричард Н. Купер	
15.	Грозит ли китайской экономике жесткая посадка?...	128
	Дуайт Х. Перкинс	
16.	Спасет ли урбанизация экономику Китая или разрушит ее?	135
	Мэг Ритмайр	
17.	Держит ли Китай свои торговые обещания?	143
	Марк Ву	
18.	Как китайские нувориши помогают нуждающимся?.....	149
	Тони Сейч	
19.	Чему Китай может научить нас в области борьбы с бедностью?	156
	Нара Диллон	
IV.	ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	163
20.	Может ли Китай бороться с загрязнением воздуха и глобальным потеплением?	165
	Майкл Б. Макэлрой	
21.	Что с экологической сознательностью в Китае?.....	173
	Карен Торнбер	
V.	ОБЩЕСТВО	179
22.	Почему так важен конец политики «одна семья — один ребенок»?	181
	Сьюзен Гринхол	
23.	Как Китай и его средний класс решают проблемы старения и психического здоровья?.....	189
	Артур Клейнман	

24.	Насколько важна религия в Китае?	197
	Джеймс Робсон	
25.	Будет ли новый Далай-лама?	203
	Леонард В. Й. ван дер Кейп	
26.	Что значит в Китае закон?	209
	Уильям П. Олфорд	
27.	Почему так много китайских студентов приезжают в США?.....	216
	Уильям С. Керби	

VI. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

28.	Что значит Конфуций для современного Китая?.....	227
	Майкл Пьюетт	
29.	Откуда начался Великий шелковый путь?.....	232
	Рован Флэд	
30.	Почему интеллектуалы важны для китайской политики?	239
	Питер К. Бол	
31.	Почему китайские классические романы имеют для нас значение?.....	247
	Вай-е Ли	247
32.	Как китайские писатели представляют себе будущее Китая?	256
	Дэвид Дэр-вэй Ван	
33.	Удалось ли китайской пропаганде завоевать сердца и умы? Цзе Ли	262
34.	Почему говорить о «культурной революции» до сих пор трудно?	269
	Сяофэй Тянь	
35.	Какое будущее у китайского прошлого?.....	275
	Стивен Оуэн	
36.	Что изменилось в китаистике за последние шестьдесят лет?.....	280
	Пол Э. Коэн	

Библиография	287
Благодарности	295
Авторы	296
Указатель	307

ПРЕДИСЛОВИЕ

Майкл Суньи

Если вы держите в руках эту книгу, то вы, вероятно, уже согласились с утверждением, что Китай важен для изучения, а следовательно, важно понимать Китай. Нельзя обходить вниманием, что происходит с пятой частью населения планеты. Но сегодня Китай важен не только для самих китайцев, не только для американцев, но и для всего мира, важен с новых, неожиданных и интересных точек зрения — и не только из-за огромной и продолжающей расти роли Китая в мировой экономике. Ни одну из множества насущных проблем нашего мира — от глобального потепления до экономического роста, от безопасности судоходства до противодействия терроризму — нельзя решить или даже эффективно приступить к ее решению без участия Китая. Именно эта реальность, а не просто объем торговли, и делает отношения США и Китая важнейшим двусторонним взаимодействием XXI века.

Еще один новый и для многих неожиданный аспект важности Китая — как бы то ни было, его политика оказывает все более заметное влияние за его пределами. Будь то Инициатива «Пояса и пути»* или доля в истощении мирового рыболовства, действия китайского правительства и народа оказывают воздействие на всех нас. Кроме того, изменилась роль Китая на мировом рынке идей. И в столь разнообразных областях, как концепции

* Выдвинутое КНР в 2013 году предложение по объединению и развитию сухопутного и морского пути из Китая в Европу (прежнее название — «Один пояс — один путь»). — *Примеч. ред.*

экономического развития, ликвидации бедности, проблемы старения и психического здоровья, уменьшение загрязнения окружающей среды и возобновляемые источники энергии, обратить внимание на некоторые идеи Китая было бы весьма разумно. Это вовсе не означает, что мы должны принимать методы Китайской Народной Республики (КНР) во всех их проявлениях. У многих американцев есть существенные возражения по поводу различных аспектов китайского государственного управления и политики (кстати, как и у многих китайцев). И все же о позиции Китая по этим вопросам лучше знать больше, а не меньше.

Раз Китай важен, важно понимать Китай. В определенном плане, вполне очевидном, понимать Китай сейчас легко как никогда. Количество доступной американцам информации о Китае растет так же стремительно, как и экономика этой страны. Американцы посещают Китай в рекордном количестве. Все больше людей даже изучают китайский язык (хотя им далеко до числа китайцев, изучающих английский). Все ведущие мировые СМИ представлены в Китае, что означает: когда Китай появляется в заголовках газет — а это происходит почти каждый день, — о нем рассказывают журналисты мирового класса. Но даже лучшие и наиболее нейтральные корифеи журналистики в основном интересуются актуальными новостями — как это и должно быть. Они склонны фокусироваться на наиболее заметных или поразительных моментах — от журналистов нельзя ожидать глубоких познаний в любой теме, которую они освещают. Все больше информации о Китае поступает к нам от самих же китайцев, которые все чаще пишут и публикуются на английском. Но то, что они видят ситуацию в Китае изнутри, не обязательно означает, что они лучше понимают ее. Кроме того, сегодня у американцев также есть доступ к информации о Китае из собственных китайских государственных СМИ, которые начали агрессивную глобальную экспансию несколько лет назад. В них представлен — что неудивительно — собственный образ Китая, столь же положительный, сколь отрицательным он бывает в некоторых американских СМИ. И потому, несмотря на рост количества доступной информации о Китае, извлечь из нее рациональное зерно все еще трудно. Мы даже могли бы сказать, что у США точно

такой же дефицит понимания с Китаем, как и дефицит торговли с ним.

Вот почему мы выпустили этот сборник. Мы пригласили 36 ученых, чтобы узнать, какой главный вопрос, по их мнению, американцам следует задать о прошлом, настоящем или будущем Китая. А затем предложили им ответить на этот вопрос. Каждый из наших авторов — эксперт, опирающийся в своей работе на десятилетия исследования и анализа этих фундаментальных вопросов. Они всесторонне обдумали свои вопросы и возможность кратко изложить наиболее актуальные проблемы, признавая при этом их многогранность.

Вошедшие в эту книгу статьи несут в себе несколько ключевых посланий о прошлом, настоящем и будущем Китая. Главное в его прошлом — история, в настоящем — многогранность, в будущем — стоящие перед Китаем вызовы.

Прошлое

Сегодняшний Китай — совершенно новая страна? Или же прошлое все еще играет для него некую роль? Можно легко возразить: история в современном Китае не имеет значения, невероятные преобразования последних сорока лет говорят о том, что Китай полностью устремлен в будущее, а отход Коммунистической партии Китая (КПК) от генеральной линии означает, что для Китая важно будущее, а не прошлое. Но такой вывод был бы слишком поспешным.

С одной стороны, Китай не так давно совершил неудачную попытку уничтожить свою историю во время Великой пролетарской культурной революции и других массовых движений маоистской эры. Сяофэй Тянь пишет в этой книге о «парадоксе стремления [Культурной революции] разрушить прошлое и создать новое общество», хотя само это движение «коренилось в прошлом». Во многих главах приводится эта или другие причины подчеркнуть важность истории. Ведь понять, почему китайский народ так негодует по поводу визитов японских лидеров в святилище Ясукуни* или

* Ясукуни-дзиндзя — синтоистское святилище («храм мира в стране»), расположенное в Токио. Несмотря на название, в некоторых странах Азии, и главным образом КНР, ассоциируется с японским милита-

движения за независимость Тайваня, попросту невозможно без понимания истории, стоящей за этими вопросами.

История важна еще и тем, что привлекает наше внимание к некоторым любопытным случаям преемственности, которая каким-то образом сохранилась, несмотря на столетия радикальных перемен. Питер Бол указывает, что напряженные отношения интеллектуалов и политиков — вечная особенность китайского общества, которая может помочь нам проникнуть в суть текущих политических дебатов в Китае. Родерик Макфаркухар демонстрирует, что Си Цзиньпин явно брал пример с Мао Цзэдуна, при всем их различии. Юйхуа Ван фокусируется на проблеме, с которой столкнулись — и продолжают сталкиваться — китайские лидеры в попытках сохранить власть перед лицом вызовов от могущественной элиты.

Наверное, самый веский и неожиданный аргумент, почему история важна для современного Китая, — это то, насколько серьезно воспринимает ее правящая КПК. Отсылки к истории сыграли важнейшую роль в методе, которым КПК утверждает легитимность своей власти, вплоть до того, что в 2013 году ее Главное управление выпустило документ, запрещающий публичное обсуждение «исторического нигилизма». Историческим нигилизмом этот документ на самом деле называет любое критическое суждение о собственной истории партии. КПК уже не ограничивается статусом наследницы идей немецкого философа XIX столетия Маркса — она оправдывает свое существование аргументами о наследовании, передаче и развитии пятитысячелетней истории китайского народа.

Все авторы этой книги, затрагивающие вопросы истории, сходятся во мнении, что для понимания прошлого Китая важнейшее значение имеет критическая оценка (как раз то, что КПК называет историческим нигилизмом), а не пережеванная официальная версия. Так, в то время как правительство и прессы КНР зачастую утверждают, что на протяжении всего XX столетия Япония упорствовала в своей враждебности к Китаю, Эзра Фогель демонстрирует, что на самом деле это не соответствует действительности. Далее, утверждения о едином истоке китайской цивилизации или об историческом Шелковом пути — это

ризмом. — *Примеч. ред.*

не нейтральные заключения на основании объективных археологических данных, они мотивированы конкретными интересами. Необходимо критическое понимание истории, чтобы делать взвешенные выводы о таких утверждениях.

Мы не хотим сказать, что влияние истории Китая на современность делает его уникальным или даже исключительным. Ни одну страну, ни один режим, ни одно общество нельзя понять в полной мере, не понимая их историю и культуру. Но важная роль истории в современном политическом дискурсе — не говоря уже о самосознании многих обычных китайцев — означает, что в Китае, возможно, история имеет особое значение.

Настоящее

Если современный Китай можно в наилучшей степени охарактеризовать одним словом, то это слово — многогранность. Старшее поколение, возможно, еще помнит фотографии китайских городов начала 1980-х годов, где преобладали бетонные здания в советском стиле, расцветки и стили одежды были в большинстве своем однообразны, а велосипеды встречались повсюду. Сегодняшний Китай выглядит совершенно иначе — крупные города стали центрами архитектурных инноваций, моды и роскошных автомобилей. Но значимая многогранность заходит гораздо дальше внешнего облика. Многогранна китайская политика, многогранно китайское общество, многогранен китайский народ. Даже внешне однозначное утверждение вроде «в Китае авторитарная политическая система» утратило свою однозначность. Китайское партийное государство во многом отошло от регулярного вмешательства в жизнь обычных людей. Но даже после окончания политики «Одна семья — один ребенок» оно продолжает ограничивать репродуктивную свободу населения. Сохранился и огромный аппарат пропаганды, хотя, как указывает Цзе Ли, восприятие этой пропаганды становится порой ироничным. В западном мышлении долго держалось наивное мнение, что китайская политическая система станет более похожей на нашу по мере развития экономики Китая. Но теперь стало ясно, что в Китае на наших глазах создается новый вид политической системы.

Китайское общество многогранно. В нем пролегли новые резкие разломы между городом и селом, молодежью и стариками, богатыми и бедными. Экономический рост создал новый средний класс: сотни миллионов сильных и развивающихся людей — с новыми ожиданиями и запросами. Принятие экономической реформы как правительством, так и обществом создало новый общественный договор, который не признали бы ни Маркс, ни Мао, но по которому непрерывное экономическое развитие критически важно для поддержки существующего порядка населением. В более широком смысле реформа выпустила на свободу обширный спектр новых социальных сил, к которым КПК тяжело приспособиться и которые она не в состоянии так легко контролировать.

Многогранность очевидна не только на социальном уровне, она распространяется и на уровень отдельных людей. Реформа коренным образом изменила понятие, что значит быть человеком в современном Китае. Как указывает Артур Клейнман, возникает новое «китайское самосознание» — более индивидуальное, более глобализованное. Китайцы отвечают на знакомые вопросы «что значит достойная жизнь?» по-новому. Они задают и новые вопросы, в том числе такие, которые никогда не пришли бы в голову их родителям. Что такое экологичная жизнь? Где должны проходить границы государственной власти? Недавно разбогатевшие филантропы спрашивают, как лучше всего поделиться с обществом. И в пору религиозной неопределенности, меняющихся семейных норм и стремительно развивающегося здравоохранения многие спрашивают: что такое достойная смерть?

И снова: мы не хотим сказать, что Китай более или менее многогранен, чем другие общества. Любое общество многогранно. Скорее речь идет о том, что понимание этой многогранности — ключ к наилучшему пониманию сегодняшнего Китая.

Будущее

Некоторые авторы исследуют масштабные вызовы, с которыми Китаю, и в частности китайскому правительству, предстоит столкнуться в будущем. Сможет ли КПК успешно искоренить коррупцию? Сохранит ли легитимность по мере того, как ее революционные истоки будут терять релевантность?

И, самое главное, продолжится ли экономический рост? В отличие от некоторых аналитиков, тщательно подбирающих или хорошие, или плохие признаки, все наши авторы стремятся к сбалансированному видению этих направлений возможного риска. И, что еще более важно, они задаются вопросом, какие ресурсы доступны Китаю для решения этих проблем, и далее — с какой вероятностью эти проблемы будут решаться упорядоченным или хаотическим способом. Это вопросы, которые отразятся на нашем общем будущем.

Наши авторы дают множество советов — китайскому правительству, правительству США, а в некоторых эссе и всему населению мира. Как бы то ни было, Китай справляется с вызовами, и вне зависимости от того, прислушивается ли он к советам наших авторов, способен ли поддерживать высокий темп экономического роста и сохранить политическую и социальную стабильность, нам всем есть чему поучиться на сегодняшнем опыте Китая. Речь не о том, что существует какая-то «китайская модель», полностью применимая в других контекстах, а лишь о том, что опыт Китая — как его неоспоримые успехи, так и поучительные провалы — может послужить на пользу другим странам в области продвижения экономического развития и сокращения бедности, организации ухода за престарелыми и психического здоровья, и даже в сфере реструктурирования образования или выработки энергии.

Разумеется, прошлое, настоящее и будущее связаны между собой. Политические решения, принятые в прошлом, влияют на ситуацию в настоящем и продолжают влиять в будущем — так, решения относительно образования, здравоохранения и инфраструктуры, принятые в маоистскую эпоху, определяют варианты, доступные китайскому руководству сегодня. Кто-то может пойти даже дальше и задать вопросом, как идеи о политической организации, существовавшие до основания КНР, или идеи о роли религии обществе продолжают давать информацию, что думают китайские чиновники о настоящем и будущем. И необыкновенный резонанс между тем, как китайские интеллектуалы представляли себе будущее сто лет назад, и тем, как Китай действительно выглядит сегодня, на который указывает Дэвид Дэр-вэй Ван, создает ощущение, что то воображаемое «будущее» стало реальностью.